



*Людмила Лыс*

Хрупкая, с тонкими пальцами рук, улыбчивая и приветная, раскладывающая передо мной на своем столе разных размеров и цветов карандаши и альбомные листы — такой мне предстала эта Женщина в мои 11 лет. Несмелый детский набросок ее портрета, сделанный тогда же, хранится у меня до сих пор.

Я не ошиблась, написав слово "Женщина" с большой буквы. Немного позже я узнала, как эта мягкость в трудные решающие минуты ее жизни перевоплощалась в твердость и непоколебимость совершаемых поступков.

Родилась Александра Николаевна Тюнеева (в девичестве Кравченко) 28 февраля 1888 г. в губернском городе Могилеве на Днестре. Ее бабушка носила фамилию Дехтярева, мать — Гортынская. Предки ее матери, Гортынские, были выходцами из Польши, прибывшими туда около 250 лет назад с Кипра.

Личное дворянство было получено отцом Николаем Кравченко, работавшим после окончания университета учителем гимназии. Впоследствии он был утвержден на должности директора и получил квартиру по месту работы, а за городом — участок земли под огороды и постройки. Пользовался немалым уважением среди евреев Могилевщины, проведя обследование и написав объемистый труд о состоянии их жизни и быта на данной территории.

В семье Кравченко росло четверо детей: Владимир, Николай, Ольга и Александр. Владимир стал впоследствии профессором физики в Одесском университете; Николай — профессором права вначале в Томском, а затем в Московском университете. Ольга, окончив Императорское воспитательное общество благородных девиц в Петербурге, работала бухгалтером.

Александра, окончив общий курс средней школы с золотой медалью, продолжает образование, и еще через два года получает аттестат № 885 от 26 мая 1907 г. об окончании двухлетнего курса специальных педагогических классов при Смольном институте по специальности русский и французский языки с методикой и курс словесности. Для усовершенствования знания языков она вместе с братом Николаем уезжает на стажировку в Лозаннский университет в Швейцарию. Хорошее знание французского, немецкого, английского, латыни, работы на украинском языке, а также знакомство с профессором Рихардом Штайнером, основателем теософского общества в Швейцарии, Германии и других странах Запада, и его женой Марией Яковлевной Сиверс, помогают ей как в становлении ее жизни, так и в дальнейшей книговедческой деятельности.

В 1910 г. она выходит замуж за одессита Бориса Дмитриевича Тюнеева, окончившего юридический факультет университета, но ставшего музыкантом-профессионалом, нештатным корреспондентом журнала "Русская музыкальная жизнь", а впоследствии профессором Одесской консерватории по кафедре истории музыки. В 1934 г. смерть обрывает его творческую и профессиональную деятельность. Одним из учеников Б. Тюнеева, с которым он занимался на дому, был сын органиста лютеранской церкви в Одессе Святослав Рихтер, ставший впоследствии известным пианистом. В семье Тюнеевых его называли ласково и просто — "Светик".

В том же 1910 г. в июне месяце рождается единственный ребенок четы Тюнеевых — Юрий. Сын учился в рабочей школе в Подмоскovie, в Апрелевке, а впоследствии в Московском институте физкультуры и спорта, одновременно работал в цирке акробатом. Но произошел несчастный случай, изменивший его дальнейшую судьбу. Упав в цирке с большой высоты и повредив колено, он вынужденно переводится в педагогический институт иностранных языков на английский факультет, который впоследствии и окончил. Юрий Борисович Тюнеев прошел всю Великую Отечественную войну в рядах защитников Родины. В послевоенное время работал преподавателем английского языка в одесских мореходных училищах. Умер Юрий Борисович Тюнеев в 1971 г., оставив в дар Одесскому мореходному училищу им. А. Маринеско ценную библиотеку из 300 книг, включающую уникальные монографии и мемуарную литературу о годах гражданской войны и Великой Октябрьской революции.

Свою педагогическую деятельность Александра Николаевна начала в 1918 г., проработав год учителем Улуковской трудшколы Могилевской области. Переехав в Одессу, продолжила работу как преподавательница в Одесском женском институте при Губнаробразе. В этот период она перекладывает на библиотечную деятельность, которая захватывает ее целиком, не оставляя более ни на что времени.

С этого момента ее душа отдана книгам. Она и сама становится душой и спасительницей нескольких библиотек Одессы. В 1920 г., придя на работу в Одесскую публичную библиотеку, впоследствии — Государственную научную библиотеку им. А. М. Горького, организовала и стала заведующей первого в Украине Музея книги. Вот что она пишет в письме профессору Сергею Ивановичу Белоконю: "Первые 10 лет работала в Государственной научной библиотеке им. А. М. Горького как организатор (по моей инициативе) и заведующая первого в Украине Музея книги. Специализировалась на проблеме музеев книги, описании редких изданий. Самостоятельную книговедческую работу начала вести с 1923 г. Имею ряд печатных трудов в советской и иностранной литературе".

Александра Николаевна интересовалась миниатюрными книжными изданиями, благодаря чему появилась статья "Миниатюрные издания и коллекция их в Одесской государственной публичной библиотеке". Статья была издана в Лейпциге в 1926 г. в специализированном журнале для библиотечарей. В ней А. Тюнеева использовала, в основном, работы зарубежных авторов: В. Лаундеса, Л. Мора, Ш. Нароя, А. Кучински, Г. Тиссандье и других. Полезными оказались и материалы Парижской национальной библиотеки, Британского музея и Библиотеки Конгресса США, присланные на ее запрос от декабря 1924 г. Упоминаются в ее работе и две иностранные микрокниги. Работа библиографом в Одесской публичной библиотеке, А. Тюнеева изучила коллекцию из 105 книг (72 иностранных и 33 русских) маленького формата, основу которой составил дар графа Михаила Толстого.

Примечательно, что, отправив в 1926 г. свою работу в библиографические журналы Москвы и Ленинграда, Александра Николаевна получила отказ в публикации. После чего статья была послана в Лейпциг, где и была издана на немецком языке. Отказ советских издательств мотивировался несоответствием тематики статьи требованиям и чаяниям того времени.

О своей дальнейшей деятельности А. Тюнеева пишет так: "Затем работала библиографом и консультантом Библиотечного коллектора научных библиотек Когиза и зав. научными библиотеками по НКЗ сеги: Областной медицинской библиотеки, Фармакологического института, н/и Института офтальмологии (ныне им. академика В. П. Филатова) и др. В 1936—1937 г. была зав. библиотечными курсами, организованными Институтом усовершенствования врачей для библиотечных работников медицинских библиотек г. Одессы. Была активным членом съезда работников НКЗ библиотек в Киеве в 1939 г. и Конференции представителей научных библиотек в Москве в 1940 г. С 1939 г. по октябрь 1941 г. — зав. научной библиотекой кожно-венерологического института им. доктора Главче".

В период оккупации Одессы немецко-румынскими захватчиками на базе института им. доктора Главче был оборудован военный госпиталь. Привожу слова из докладных записок для горкома КП(б)У и исполкома горсовета, поданных ему в 1946 г.: "Помещался он (госпиталь) в санатории ВЦСПС по Аркадийской дороге, и ежедневно, хотя не было транспорта и происходила бомбардировка города, все сотрудники отправлялись с утра на место работы. Вначале предполагали, что работа в институте будет продолжаться, но оказалось не так. Вскоре стали орудовать так называемые "трофейные комиссии", и из института стали вывозить лабораторное оборудование, превратив затем все помещения, в частности, и читальный зал библиотеки, в конюшни. Книги оккупанты вывезли в Сан-дирекцию. С болью смотрела я вокруг на разрушение и разграбление".

Но просто смотреть с болью на уничтожение научной библиотеки им. А. М. Горького, с которой была связана с 1919 г., она не стала. Вот как описывает состояние библиотеки сама Александра Николаевна: "В последние дни бомбардировки перед самым портиком библиотеки упала бомба, сделав огромную воронку; массивные входные двери были выворочены, все окна выбиты, крыша над читальным залом пробита снарядом. Когда я вошла в само здание, то замерла перед тем, что увидела. Была осень, и через разбитые фонари над аванзалом и Музеем книги потоками вливалась вода, стекая с лестницы; в книгохранилище на повсюду разбросанные книги врывался дождь и снег. Я любила эту Библиотеку, была привязана к ней и, видя ее в таком ужасном состоянии, была потрясена до глубины души...". От сотрудников, встреченных на улице, она узнала о разграблении оккупантами книгохранилищ заведения. "Необходимо было принять меры для охраны книжных фондов и во что бы то ни стало спасти ценное, исключительное имущество Библиотеки, спасти этот очаг культуры для Родины".

По личной инициативе А. Тюнеевой и других сотрудников библиотеки была создана охрана здания до выяснения дальнейшего положения. Началась работа по уборке от воды и мусора всех помещений. "Все работали как один человек. Особенно же самоотверженное отношение в деле охраны проявили зав. книгохранилищем т. Янушковская О. В., зав. каталогом т. Кудлач А. В., зав. дублетным фондом т. Максимова С. А. и раскладчики Корочкин А. Н., Кушмирский П. Ф. Рискую жизнью, эти два работника в жестокие морозы в январе 1942 г. забивали на крыше фанерой разбитые фонари и окна книгохранилища". Так описывает работу своих сотрудников и соратников взявшая на себя руководство и вместе с ним огромную ответственность за все происходящее Александра Николаевна Тюнеева.

"Еще в Смольном Александра Николаевна прослыла очень своенравной, упрямой, дерзкой... Действительно, воля ее была страшно тверда, сила духа огромна, что позволяло

ей преодолевать большие трудности в жизни..." — так описывает ее в своем письме, адресованном С. Матвеевой, друг семьи Игорь Иванович Сокрутенко.

Все эти качества помогли ей подняться из пепла, сохранить и восстановить одну из жемчужин культурной Одессы.

Официально в должности директора она была утверждена в марте 1942 г., "...одновременно вместе с другими сотрудниками. За каждую должность и ставку приходилось вести борьбу и терпеть унижения, добываясь своих прав". Вместо довоенных 100 человек штата, румыны позволили оставить 32 работника, причем ни один из них не должен был быть ни евреем, ни партийным. "Однако удалось скрыть и включить в штат двух комсомольцев и одну кандидата в партию, жену партийного работника, увезенного в концлагерь в Румынию".

Долгое время невозможно было добиться от муниципалитета выделения средств на капитальный ремонт здания, отказ мотивировался "бездоходностью" данного заведения. Но его "бездоходность" ограждала библиотеку от частых посещений представителями оккупационного правительства. В 1942 г. А. Н. Тюнеева все же смогла "вырвать, и то по частям, на аварийный ремонт огромного здания 15 000 марок (по памяти)". Муниципалитет, в свою очередь, все настойчивей требовал скорейшего открытия библиотеки, в чем получал отказ из-за "недостатка персонала и отсутствия отопляемых помещений. Библиотека не отапливалась, кроме служебных помещений, где были установлены казанки. В библиотеке открыты были лишь в марте 1943 г. два малых читальных зала для научных занятий. Большой зал до конца периода пребывания фашистов в Одессе оставался закрытым, и хотя муниципалитет, наконец, выдал стекло для его огромных окон, они умышленно не были застеклены, чтобы залом не могли пользоваться".

"К концу 1942 г. в Одессу стало приезжать много представителей различных учреждений из Румынии. Они приходили в Библиотеку с требованием о выдаче книг и приносили приказы из губернаторства, предписывающие мне как администратору передать им те или иные книги. Держали себя дерзко и вызываются, требовали, чтобы их допускали в книгохранилище...".

Свое поведение и поведение своих сотрудников в таких ситуациях А. Тюнеева описывает так: "Я пробовала бороться с этим, многократно отказывалась выполнять требования под разными предлогами: книги не найдены, отсутствуют и т. д.; обращалась в дирекцию культуры муниципалитета и губернаторства с заявлением, что передача книг недопустима как опустошение книгохранилища, которое является неприкосновенным, и т. д. Не выполняя требований о выдаче книг, мы, сотрудники, дружно прибегали и к уловкам. Так, например, на требование дирекции юстиции выдать весь комплект собрания узаконений и распоряжений за период советской власти с 1921 г., нами был составлен акт о гибели этого комплекта при пожаре переплетной мастерской, а сам комплект, единственный в городе, спрятали в дальнее помещение. Каталоги на марксистско-ленинскую литературу бережно сохранились работниками отдела библиографии в чердачном помещении. Без меня никого из посетителей не пропускали в помещения книгохранилища, а при посещении сама руководила маршрутом, минуя главные склады. За два с половиной года оккупации передано было всего 7000 книжных единиц, из которых 70% — из дуплетного фонда. Списки на них были сохранены и переданы мною для работ Госкомиссии в целях возвращения советского имущества.

Наконец, несмотря на строжайший декрет румынских оккупантов о сдаче и уничтожении советских изданий, ни одна книга не была уничтожена. Разрешение этой проблемы далось с большим трудом, создав между мною и муниципалитетом ряд конфликтов ввиду категорического отказа выполнять такой декрет. Сохранены были все каталоги, весь инвентарь.

Книжные фонды были не только сохранены, но и упорядочены. Так, все советские журналы, центральные и местные газеты переплетены. За время оккупации сотрудники Библиотеки были в порядке служебной дисциплины мобилизованы для перевозки книг из подвергшихся расхищению и варварскому уничтожению оккупантами вузовских и частных библиотек. Библиотекари Научной библиотеки часто на своих плечах и саночках перевозили для сохранения советскую литературу в здание Научной библиотеки. Таким образом были сохранены и по освобождению города возвращены — часть книжного имущества, стеллажи, шкафы Педагогического института, Консервного института, Индустриального и т. д., а также часть библиотек профессоров Волкова, Борового, Тиктина и др."

С 1 февраля 1942 г. А. Тюнеева уже совмещала две директорские должности, работая в Научной университетской библиотеке. Тяжелое положение книжных фондов, разоренное книгохранилище, решение румынских оккупантов оставить библиотеку университета "на консервации" обрекло ее имущество на полное уничтожение и разграбление. 1,5 млн книжных единиц были разбросаны по полу книгохранилища "в хаотичном беспорядке". Требовалось упорядочить библиотечные фонды.

А. Тюнеева не смогла остаться в стороне и рискнула поднять и запустить работу в этой библиотеке: "С неизменной целью спасти ценные фонды книжные, я согласилась взять на себя руководство Библиотекой, тем более что Научная библиотека им. А. М. Горького в течение ряда лет была слита с Научной библиотекой университета под единым руководством. Тот же принцип сохранения книжных фондов, каталогов и инвентаря был положен в основу работ. В университетскую библиотеку также свозились и книги из разоряемых и сжигаемых оккупантами вузовских библиотек. Точно так же, лишь благодаря дружной, согласной работе сотрудников, удалось предотвратить расхищение книжных фондов.

По требованию румынских властей выдавались лишь строго проверенные на дублетность книги, и только в редких случаях — экземпляры из основного фонда. Списки на все отданные книги были мною сохранены".

Сердце библиотеки — книжный каталог, был рассыпан и сложен сотрудниками в ящики в хаотичном порядке. Так невозможно было выяснить местоположение требуемой книги. Наиболее ценные экземпляры книг были спрятаны в хранилище в помещениях без окон, а двери заставлены шкафами. "По строжайшему приказу о ценнейших фондах Воронцовской и Строгановской библиотек не упоминалось, каталоги на них спрятаны, сами фонды засекречены и, таким образом, спасены..."

Для предотвращения вывоза дублетных фондов студенческой библиотеки в различные румынские университеты был поставлен вопрос "об обмене дублетами с университетской библиотекой и библиотекой Академии наук в Бухаресте, а не просто передаче им книг..."

"В деле охраны библиотечного имущества самоотверженность проявил весь коллектив, особенную же охрану вели преданный библиотеке работник тов. Ходжаш Т. З.

(зав. абонементом) и тов. Черницкий Е. М. (зав. дубликатным фондом), Монастырская Е. С."

При возрождении библиотеки помощниками Александры Николаевны на данном поприще были также А. Монастырская, Н. Аргиропуло, А. Какастераки (главный научный сотрудник).

В день освобождения Одессы к сотрудникам Одесской научной библиотеки им. А. М. Горького приехали два молодых советских корреспондента — Леонид Соболев и Константин Симонов. После встречи и общения с А. Тюнеевой и ее соратниками 31 мая 1944 г. в газете "Правда" (№ 130/9587) Леонидом Соболевым была напечатана статья "Дорогами побед", посвященная теме спасения фондов этой библиотеки. А любимым стихотворением Александры Николаевны с тех пор становится стихотворение Константина Симонова "Жди меня".

...Рядом с окном, возле письменного стола, за которым я рисовала, был английский книжный шкаф. Помимо книг, в нем находились и всякие безделушки, в том числе коллекция брелков. Шкаф сменил место проживания на наш дом, а вместе с ним к нам переехала и некоторая часть брелочной коллекции. А еще мой взгляд постоянно притягивала картина, висевшая напротив кровати Александры Николаевны. На ней рукой молодой еще художницы Александры была изображена комната ее юности: большой диван с тремя креслами — вся мебель покрыта белыми чехлами, напротив дивана — стол с резными ножками, а на столе красная, как я себе представляла, бархатная скатерть. В комнату через настежь распахнутое окно врываются солнечные лучи и бликами ложатся на пол. А за окном тепло, зелено и воздушно... Я мысленно переносила себя туда и ярко переживала временной переход из XIX в XX век.

Квартира на Троицкой, в которой проживала Александра Николаевна при нашем знакомстве, состояла из трех комнат. Самая большая из них, обиталище самой хозяйки, была относительно светлой, с двумя окнами, выходящими в палисадник с сиреневыми кустами. Убранство было простым: все самое необходимое из мебели. Вторую по площади комнату занимал чудаковатый, по моему мнению, человек — Владимир Сергеевич Кузьмичев. Он постоянно что-то писал, как выяснилось позже, — философские заметки, также математические формулы, и в совокупности это должно было стать научным открытием. Третья, темная, без окон, самая маленькая комната, была молельной хозяйки. Она навела на меня тайный трепет своим постоянным полумраком и маленьким пламенем лампадки в углу возле иконы. Казалось, что там еще кто-то живет, тот, кто охраняет хозяйку дома и дает ей силы жить дальше.

Умерла А. Тюнеева 7 декабря 1984 г. в доме на Троицкой, 47, принадлежавшем в прошлом предкам семьи ее мужа — Тюнеевым. Там и сейчас перед окнами ее квартирki тихо шелестит листвою куст сирени, как и во времена ее молодости...